

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ДОСТОЕВСКОМУ

Настоящая публикация писем к Достоевскому продолжает серию публикаций, запланированную Редакцией академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (см.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 250—270; Достоевский. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1974, с. 285—304; т. 2. Л., 1976, с. 297—392; т. 3. Л., 1978, с. 258—285; т. 4. Л., 1980, с. 240—254.

Тексты писем подготовлены и комментарии к ним составлены: А. И. Батюто («Один из Потугиных»), А. М. Березкиным (Е. А. Штанкеншнейдер), Т. И. Орнатской (Г. К. Градовский, Х. и А. М. Черницкая), Г. В. Степановой (Л. Х. Симонова-Хохрякова), И. Д. Якубович (Ф. Н. Берг).

1

Ф. Н. Берг — Достоевскому

8 июля 1861 г. Москва

Москва, 1861, июля 8.

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Честное слово, это не будет фразой, если я скажу Вам, что редко бываю так взволнован и изумлен, как вчера, получив письмо Платона Александровича,¹ в котором он описывает мне, как возмутила Вас моя статейка. Я надеюсь, что объяснения мои будут удовлетворительны, потому что мне предстоит говорить только правду. При тех чувствах самого искреннего и глубокого уважения, которое я к Вам питаю, при тех немногих и оставивших во мне приятное впечатление отношениях, в которых мы с Вами были, право, не может существовать и мысли об каких-нибудь намеках на Вас. Хотя у меня нет черновой несчастной статейки, но я как нарочно помню злополучные места, возбуждавшие недоразумение, и удивляюсь, как тут могли быть какие-нибудь недоразумения? Там стоит: *не может пустой фат, унижающий и оскорбляющий, быть поэтом «Униженных и оскорбленных»*. Но, Федор Михайлович, Вы же ведь и написали «Униженных и оскорбленных», значит нечего толковать о том, что можно,

когда уже это *есть* на деле. Виновато проклятое неуменье выражаться. Меня, ей-богу, оскорбляет уже эта мысль допустить возможность подобного намека. С какой стати? Откуда я мог какие сведения получить? Неужели можно такие вещи говорить с ветру, со слухов? Единственный человек, от которого я в последнее время слышал об Вас, это Платон Александрович — всё, что я от него слышал, могло только разве увеличить мое уважение к Вам и подтвердить впечатление, оставленное во мне нашим знакомством.

Но послушайте, Федор Михайлович, Вы, наконец, не признаете во мне здравого смысла или уж я не знаю, что и думать. Писать *клевету* и посылать ее для напечатания *оклеветанному* — что же это такое? А если не для напечатания, то кто же станет несколько рисковать, исписывать, трудиться, чтобы только сказать пустую фразу; *пустую*, если бы она хоть сколько-нибудь враждебно относилась к Вам. Но это не пустая фраза и относится к Вам только как выражение уважения. Это ведь все равно сказать, что не может быть похожим горькое сладким и выводить из этого оборота, что горькое — есть сладкое. Но, ей-богу, мне и то тут вот досадно и обидно, что приходится вдруг уверять Вас в моем уважении — и словно и скверно и я не знаю что! Меня так же бы изумило, если бы кто сердясь и серьезно стал бы мне доказывать, что я стихов не понимаю и к поэзии отвращение чувствую. Нет, это бы меня насмешило, а тут вовсе не до смеху.

Что же касается Григорьева — где я его *браню* хоть словом, хоть намеком? Там стоит, сколько я помню: «или веяние, по выражению г. Григорьева». Что же тут? Главное досадно, когда и мысли об этом не имеешь, а на тебя сердятся и говорят, что она есть. Это как цензор иногда найдет противозаконное там, где и не ждешь. Просто только руками разведешь.

Что касается книги Наума, она попала мне случайно и уж я совсем не знал, что ее писал кн. Одоевский, которого я очень уважаю и многие сочинения его люблю. Мнение мое вызвано не лицом, а книгой.² Я помню, как в *Обществе Любителей Русской словесности* Иван Сергеевич Аксаков читал в статье своего брата о воспитании, что сказки дедушки Иринея пошлы и что он потому их и пишет, кажется, что сам находится в состоянии детства или что-то в этом роде. Неужели же Константин Сергеевич имеет что-нибудь личное против дедушки Иринея?³ Я полагаю ничего, кроме того, что ему сказки не нравились.

Конечно, досадно, что труд хоть и маленький пропадет — но мне не впервой, я уж привык к этому, да и игра свеч не стоит. Если Вы не найдете возможным, хоть с оговорками от редакции и поправками, *какими Вам угодно*, не противоречащими мнениям статейки, напечатать ее, то прошу Вас передать ее Платону Александровичу. Об ней и покончено.⁴ Я вообще не очень дорожу статьей *как статьей* и ее напечатанием. Очень жалко, что обстоятельства принуждают меня теперь дороже ценить себя, чем бы,

может быть, следовало, и просить например Михаила Михайловича хоть какую-нибудь плату пособирать за стихи. Три рубля со страницы, кажется назначенные Вами, меня удовлетворяют — все же это не ничего. Для меня нет теперь ничтожных сумм.⁵

Верьте, Федор Михайлович, что все это написано потому, что я не мог не написать. Честное благородное слово, у меня не было никакой, даже самой отдаленной мысли об каких-нибудь намеках. Я до тех пор не успокоюсь, пока не получу ответа на это письмо. Ради бога, хоть двумя словами успокойте меня, уверьте, что нет теперь никаких недоразумений, что я виноват только в неумении выражаться. Бог с ней, со статьей. Еще раз прошу Вас, Федор Михайлович, ради бога, хоть двумя словами ответить мне поскорей, потому что я скоро уеду из Москвы.⁶ Вам это может неважно, но мне крайне тяжело и неприятно. Пожалуйста же, Федор Михайлович.

Искренно и глубоко Вам преданный

Ф. Берг.

Адрес мой: На Патриарших прудах, д^{ом} Задворного в Егорьевском переулке, Фед^{ору} Николаевичу Бергу. Насчет стихотворения «Деревня», если оно все же пойдет, то озаглавьте «Отрывок» или как найдете лучше.⁷ Поправок за хлопотами сообщить не могу. А жаль, потому что, прямо говоря, мне хочется, чтоб это стихотворение было напечатано.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93, II.1.84.

Берг Федор Николаевич (1840—1909) — поэт, писатель, журналист, переводчик. По окончании воронежского кадетского корпуса некоторое время служил офицером. Литературную деятельность начал в 1868 г. стихотворением, посвященным А. Н. Плещееву и напечатанным в «Современнике». Сотрудничал также в «Светоче» и «Иллюстрации». Совместно с В. Костомаровым издал сборники переводов (Сборник стихов иностранных поэтов. М., 1860 и 1862; Поэты всех времен и народов. СПб., 1862). В 1861 г. вышла «Детская книжка» А. Плещеева и Ф. Берга. Плещеев же рекомендовал его в журнал «Время», где он за 1861—1863 гг. опубликовал двадцать пять стихотворений (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, с. 218—219). П. В. Быков вспоминал о встрече с Бергом в редакции «Времени»: «Федор Берг, высокий человек, напоминавший верстовой столб, с русой, слегка вьющейся шевелюрой, под пиджаком, достаточно потертым, носивший красную кумачевую косоворотку, как символ свободы» (Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. Л., 1930, с. 51).

В 1870-е годы Берг как прозаик печатался в «Заре», «Русском слове», «Гражданине», позднее редактировал журналы «Нива», «Русский вестник», «День». См. о нем: Поэты 1860-х годов. Л., 1968, с. 553—555.

Публикуемые два письма Берга являются прямым комментарием к письму Достоевского к нему от 12 июля 1861 г. и дополнительно характеризуют Достоевского как редактора журнала «Время».

¹ Платон Александрович Кусков (1834—1909) — поэт, печатался в «Современнике». С начала издания «Времени», будучи в дружеских отношениях с Н. Н. Страховым, был привлечен им к активному сотрудничеству в этом журнале (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», с. 214).

² В 1840-е годы В. Ф. Одоевский, сблизившись с М. А. Максимовичем и будучи редактором «Сельского обозрения», выпустил вместе с А. П. За-

блочким-Десятовским четыре книги «Сельского чтения» (1843—1867). В одной из них имеется статья «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро», где, явившись перед читателями в образе умного бывалого крестьянина Наума, любящего давать наставления, Одоевский как бы продолжил восхитившую его в свое время, написанную М. А. Максимовичем «Книгу Наума о великом божьем мире» (1834).

³ «Сказки дедушки Иринейя» В. Ф. Одоевского входили в сборник «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, изданные В. Безгласным» (1833). Сказки были высоко оценены критикой. Так, В. Г. Белинский писал: «Есть в нашей литературе какой-то г. Безгласный и какой-то дедушка Ириней, люди совсем не идеальные, люди слишком глубоко проникнувшие в жизнь действительную и верно воспроизводящие ее в своих поэтических очерках» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1950, с. 276). Во 2-й, 3-й и 4-й книгах «Сельского чтения» (см. примеч. 2) Одоевский, воспользовавшись своим прославленным псевдонимом, выступает в роли деревенского мужика-грамотея, бывалого, благородного крестьянина Иринейя. Эти просветительские по своему характеру книги были отрицательно восприняты славянофильской критикой (см.: Тарасов Д. Ф. Народные и учебные книги В. Ф. Одоевского. — Учен. зап. Коломенского пед. ин-та, 1961, т. V, с. 89—92).

⁴ Достоевский в ответном письме подробно излагает свое мнение о статье Берга и аргументирует невозможность ее полной публикации. Статья даже в сокращенном виде во «Времени» не появилась (см.: П., IV, 268—269).

⁵ В редакционной книге журнала «Время» значится, что Ф. Н. Бергу 26 июля было выплачено 15 рублей (ГБЛ, ф. 93.3.22, с. 5).

⁶ Достоевский сразу же ответил Бергу (П., IV, 268—269) и извинился за неправильно понятый отзыв о себе.

⁷ Стихотворение «Деревня» было опубликовано в сентябрьском номере «Времени» (1861, № 9, с. 115—116) с заголовком «Из стихотворения „Деревня“».

2

Ф. Н. Берг — Достоевскому

20 июля 1861 г. Москва

Июля 20. 1861. Москва.

Ну очень, очень рад, добрейший Федор Михайлович, что всё так кончилось; а то я нивесть что передумал. Спешу отвечать Вам. Простите, если вздор напишется как-нибудь. Видите, я переменяю квартиру, — переезжаю к черту на кулички — сиречь на Старую Басманную, близь 2-й гимназии, дом Клуга, кв. Крашенинникова, куда и адресуйте, когда случится писать.

Хлопот гибель и потому не до статей и стихов и прошу Вас насчет статьи: печатайте *как хотите*, только печатайте — мне деньги дозарезу нужны. Нельзя ли заметку от редакции под книгой Наума? А нельзя, так всё и *черкайте*, пожалуйста. Вы говорите, что статья моя *гимназическая*, но я, право же, этим не обижаюсь, потому что *так* я думаю и нисколько мне не совестно, если у меня будут единомышленники между гимназистами.¹ Я не совещусь быть согласным хотя бы с Аскоченским, если он что-нибудь такое выскажет, что дельно мне покажется. А я призна-

юсь: мне омерзительно это *шпынянье* — вот-де ты, — бов, согласен, с А—ским! Как мол не стыдно! Ну что ж тут такого? Ну да, согласен. Как будто тому человеческой мысли не может прийти в голову? ² Простите, бога ради, если я и тут не хорошо сказал, но так я думаю. Насчет же стихотворения я не понял, зачем вы хотите изменить. ³ Мне кажется — именно этот стих выражает что следует. Заметьте, Пушкин говорит: Молчи... , т. е. негодует, зачем народ говорит и говорит в смысле *толпы* вообще, а не простолюдинов. А мой *лукавый раб* сообщает, что вот мол народ гадкий не может даже революцийки произвести, *молчит*. Замечательно, что он же сердцем не хочет часто, чтобы она была — кому резня приятна! И сам бы не участвовал... Это Н. Ф. Павлов западно негодовал, что манифест тихо прошел, хоть бы, говорит, пошумнее... ⁴

Простите мою болтовню. Ах как деньги нужны! Вот, то есть ничего-то нет! Это между нами впрочем. Прощайте. Будьте здоровы.
Весь Ваш Ф. Берг.

Ах, да! Я скоро кончу «Два раза встретились», рассказ. Нет, впрочем, не рассказ, а так, черт знает что такое. Прикажете прислать? Дай бог кончить, да за хлопотами, право, уж не знаю. Чуть не забыл, в строчке, кот<орую> Вы хотели изменить, именно характеристично *презрение* либералов к народу. Но, ради бога, не *подавленный*. Это так напоминает пошлые <?> рукописные вещи начала 50-х годов. Вообще я против изменения. Но уж лучше *безжизненный*,^a хоть это не выражает того, что я хотел сказать.

Нельзя ли в выноске прибавить, что «по разным обстоятельствам Вы не могли напечатать всей статьи г. Берга» или что-нибудь в этом роде. Пожалуйста! Извините, что делаю много шума из пустяков...

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93, II.1.84.

¹ В письме Достоевского от 12 июля 1861 г., ответом на которое является это письмо Берга, нет оценки статьи как «гимназической». Напротив, Достоевский пишет: «Основная мысль Вашей статьи прекрасная, и мы с ней совершенно согласны». Но далее он обосновывает невозможность ее публикации во «Времени». Заключает Достоевский письмо фразой: «На все остальное в Вашем письме, требующее ответа, ответит вам брат» (П., IV, 268—269). Вероятно, «гимназической» назвал статью М. М. Достоевский в не дошедшем до нас письме к Бергу.

² Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — писатель и публицист. С 1858 г. издавал еженедельную газету «Домашняя беседа», прославившуюся своим крайним обскурантизмом. Аскоченский яростно нападал здесь на науку, просвещение и всякое прогрессивное движение в общественной жизни. Тем не менее некоторые публицистические статьи его не лишены иногда едкого сарказма и остроумия.

³ Берг поясняет смысл своего стихотворения «Ты их ведь знал...», в котором Достоевский предлагает изменить строчку «Молчит бессмысленный народ» на «униженный» или «подавленный». Стихотворение было

^a Было: униженный.

опубликовано в июльском номере «Времени» без изменений (Время, 1861, № 7, с. 316).

⁴ Павлов Николай Филиппович (1804—1864) — писатель. Типичный либерал, западник, он доказывал в 50-х годах необходимость проведения реформ и «обновления» жизни «сверху». С восторгом приветствовал манифест 19 февраля в своей газете «Наше время», сосредоточивая внимание на сценах «великой радости» крестьян, их благодарений богу и императору. См.: Вильчинский В. П. Н. Ф. Павлов. Жизнь и творчество. Л., 1970, с. 149—150.

3

Х. — Достоевскому

Около 17 декабря 1861 г. Петербург

Милостивый государь.

Позвольте обратить Ваше внимание на один предмет, о котором литературе уже давно следовало бы говорить, но о котором до сих пор, сколько мне известно, не было еще говорено, именно о телесном наказании плетьюми и другими столь же варварскими орудиями.

Я еще очень хорошо помню, какой страшный крик и гам подняли в нашей литературе по случаю выходки кн. Черкасского, если не ошибаюсь, о предоставлении помещикам права наказывать крестьян пятью или десятью ударами розгами.¹ И это было только за одно мнение, а между тем у нас на деле наказывали, да еще теперь наказывают не только розгами, а плетьюми, и дают не 5 или 10 ударов, а 500 и даже 5000 и 6000, и такое наказание, с юридической точки зрения в настоящее время, не может даже называться наказанием, а есть истязание. А об этом не только не кричали, да почти и не говорили и почти не обратили внимания на этот грубый остаток средневекового варварства. Пора, давно пора, чтобы литература представила всю несообразность такого истязания людей, тем более что оно решительно противоречит и духу нашего времени, и духу нашего законодательства (по крайней мере нашего времени), и тому духу, который господствует как в обществе, так и в правительстве, что оно никак не может быть оправдываемо с юридической точки зрения нашего времени и наконец даже не достигает той цели, которую имели прежде при этом в виду.

Говорить о том, что это наказание не соответствует, а противоречит как духу нашего времени и нашего законодательства, так и тому духу, который господствует в обществе и в правительстве, я считаю излишним — это всякий сам понимает. Что оно не может быть оправдываемо с юридической точки зрения, уже явствует из того, что виновный при этом за одно и то же преступление подвергается двойному роду наказаний, так как его ссылают в Сибирь или заключение. Но, кроме того, и та цель, которую имеют в виду при наказаниях в настоящее время, несколько не достигается. Эта цель, по сознанию самого тепе-

решного общества и по учению науки (насколько она мне известна) не может быть другая, как, во-1), исправить виновного, и, во-2), поставить его в такое положение, чтобы он не мог вредить обществу. А между тем телесное наказание плетьюми или порождает ожесточение, остервенение и глубоко затаенную злобу, что бывает в большей части случаев, или делает человека каким-то тупым, бездушным созданием, убивая в нем всякую бодность. Вторая цель вполне достигается разными родами заключения. К чему же это варварское наказание! Прежде смотрели на наказания с другой точки зрения, они должны были служить каким-то пугалом для людей, отстращать их от совершения преступления. Но если бы и были в настоящее время такие отсталые люди (чему трудно поверить), которые разделяли бы такой отживший взгляд на цель наказания, то стоит им только напомнить, что опыт и практика постоянно показывали, да еще теперь показывают, что эта цель жестокими наказаниями насколько не достигается и что они даже ведут к совершенно противоположному. Кто столь невежествен, что не знает, как с увеличением наказания за воровство в Англии это преступление не только не уменьшалось, но еще увеличивалось. Кому из проживавших в Сибири неизвестно, что телесные истязания не только не удерживают тамошних преступников от совершения преступления, напротив, ожесточая их в высшей степени, доводят до такого состояния, что им нужно только случая, чтобы опять совершить преступление.

Если, таким образом, опыт для отсталых людей и учение науки и разумное сознание для всех хоть несколько образованных людей ясно показывают всю несообразность телесного наказания, то скажите, ради бога, как мы можем оправдать себя, что обратили так мало внимания на этот предмет и что теперь еще существует такого рода несообразность. Предкам нашим может служить некоторым оправданием, — говорю некоторым, потому что христианское чувство должно было научить их чему-нибудь другому, — что они не ведали, что творили, что они заблуждались в своем взгляде на цель наказания. Над нами же произнесется гораздо строжайший приговор, потому что в наше время такие истязания не обуславливаются ни заблуждением ума, ни степенью цивилизации, оно есть следствие нашей апатичности, нашего эгоизма, так что мы часто не думаем о том, что прямо до нас не относится, будь оно хоть в высшей степени несообразно. Пора, давно пора литературе поднять свой голос и обратиться на этот предмет внимание правительства, которое слишком занято разрешением более важных государственных вопросов и от взгляда которого поэтому ускользают иногда грубые остатки прежних времен. Я вполне уверен, милостивый государь, что Вы, как человек образованный и вполне сочувствующий всему разумному и доброму, в теплых и красноречивых словах выскажете всю несообразность, чтобы не сказать дикость, телесных истязаний.² Мое же письмо прошу не печатать, — разве Вы най-

дете, что оно может чем-либо служить делу, — но в таком случае прошу изменить хоть слог, который, как я сам понимаю, весьма плох и слаб. Прошу вас приступить к делу как можно скорее. Вы поймете мою просьбу, если я Вам скажу, что поводом к этому письму послужило именно то, что некоторые, которых с психологической точки зрения нельзя даже назвать преступниками, подвергаются именно теперь вышесказанному роду наказания. Я вполне надеюсь, что Вы, во имя человеколюбия, извините мою всепокорнейшую просьбу.³

Для предупреждения недоразумения я должен прибавить, что на наказание розгами, и то в самом малом числе ударов, еще можно смотреть как на зло, которое в некоторых случаях весьма трудно обойти (хотя никак не думаю, чтобы это было невозможно), а полагаю, что мы должны всеми силами стараться совершенно его вытеснить. Мимоходом скажу, что в продолжение всей многолетней моей практики в гимназии ни один ученик не был по моей жалобе наказан телесно, а между тем они в университете вообще считаются лучшими студентами. Но между телесными наказаниями розгами и такого же плетью существует огромная разница, потому что последнее носит совершенно характер истязания человека. И если существование первого еще может быть некоторым образом (но никак не вполне) оправдываемо, и то в самых редких, исключительных случаях, то существование второго рода наказания в высшей степени несообразно, нелепо и дико.

Еще раз прошу извинить меня великодушно, что я, который даже плохо владеет русским языком, осмеливаюсь утруждать своим письмом Вас, сочинителя «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных», но уже одно заглавие этих творений может служить оправданием моей смелости.

Примите от меня уверение в искреннем высокопочитании и уважении.

Х.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, р. I, оп. 6, № 250.

Автор письма, не пожелавший назвать себя, — учитель одной из гимназий, очевидно в Петербурге. Датируется 1861 г. по содержанию: в письме говорится о том, что в литературе не было еще говорено о телесном наказании — очевидно, автор пропустил статью Добролюбова «Все-российские иллюзии, разрушаемые розгами» (Современник, 1860, № 1, отд. III, с. 157—182) и не успел получить № 8 журнала «Современник» за 1861 г. с его же статьей «От дождя да в воду». Кроме того, датировка подтверждается интересом Достоевского к теме письма (он написал на нем: «К сведению»): незадолго до получения его писатель работал над задуманным ответом Добролюбову, на его статью «От дождя да в воду». В набросках этой неосуществленной работы речь шла в основном о наказаниях розгами в учебных заведениях (подробно см.: 20, 355—358). Из-за смерти Добролюбова Достоевский оставил намерение отвечать ему особой статьей и позднее не возвращался к этому вопросу. Возможно, что в какой-то форме он все же собирался откликнуться на столь назревший вопрос о телесных наказаниях: отсюда две пометы его в тексте письма (см. ниже).

Датируется на основании пометы Достоевского на письме: «Поступило 17 дек.».

¹ Речь идет о статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления», написанной деятелем крестьянской реформы, членом-экспертом Ревизионных комиссий в 1858—1861 гг. кн. В. А. Черкасским (1824—1878). Он писал здесь, в частности: «...домашнее исправительное наказание» крестьян помещиками не должно превышать 18 ударов розгами, а для малолетних, не достигших еще 14-ти лет от роду, и для женского пола — детскими розгами не более 15 ударов (Сельское благоустройство (журнал), М., 1858, кн. 3, с. 260). Герцен отозвался на эту публикацию гневной статьей «Розги долой!» (Колокол, 1860, 1 июля, л. 75, с. 623), а в своих «Письмах из России», приведя две колонки имен под рубриками: «Против сечения» и «За сечение», вторую открыл именем кн. Черкасского (Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1958, с. 260).

² Текст: «Я вполне уверен ∞ дикость телесных наказаний» — отчеркнут Достоевским.

³ Текст: «Прошу вас приступить к делу ∞ мою всепокорнейшую просьбу» — отчеркнут Достоевским.

4

Е. А. Штакеншнейдер — Достоевскому

10 марта 1872 г. Петербург

Добрейший Феодор Михайлович.

Я по Вас соскучилась. Вы совсем нас забыли. Как бы я была счастлива, если бы Вы приехали к нам в воскресенье, т. е. 12 марта.

Смотрела и у Полонского,¹ и там Вас не видать. Если только можно, приезжайте. Надеюсь, что и супруга Ваша пожалует. Мать моя все собирается к Вам, но, к несчастью, у нас больные; зять очень болен, и она ежедневно навещает его.

До свидания, Феодор Михайлович, до воскресенья!

Елена Штакеншнейдер.

Марта 10. 1872.

Имя Елены Андреевны Штакеншнейдер (1836—1897), дочери хозяйки известного петербургского литературного салона — Марии Федоровны Штакеншнейдер (1811—1892), тесно связано с историей русской литературы и общественного движения. Дневниковые записи, которые велись Е. А. Штакеншнейдер начиная с середины 1850-х годов на протяжении нескольких десятилетий, содержат множество интересных фактов; ее друзьями были Я. П. Полонский, П. Л. Лавров, В. Г. Бенедиктов, постоянными собеседниками — Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, Н. Н. Страхов. Ценность этих записей (видное место в них принадлежит встречам с Достоевским) состоит в большой пронизательности Е. А. Штакеншнейдер, обладавшей незаурядным литературным дарованием и нередко поднимавшейся в своих дневниках и письмах до подлинно художественных обобщений (см.: Розанов И. Н. Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник. — В кн.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, с. 7—27).

Внимание и доброжелательный интерес к людям, с которыми встречалась Е. А. Штакеншнейдер, располагали в свою очередь ее собеседников и корреспондентов к откровенности. В. Микулич (Л. И. Веселитская) так охарактеризовала Е. А. Штакеншнейдер: «умная, добрая и приветли-

вая»; «милая, ласковая без слащавости, добрая без шума, умная без претензий» (Микулич В. Встреча с писателями. Л., 1929, с. 139, 150).

Интерес Е. А. Штакеншнейдер к творчеству Достоевского определился в начале 1860-х годов. В письме к Я. П. Полонскому от 2 июля 1861 г. она отмечала: «Вышел конец четвертой части „Униженных и оскорбленных“. Ну уж, Яков Петрович, оно увлекательно-то увлекательно, да так только странно, в особенности встреча Наташи с Катей. Ну что это за Наташа, что это за Катя, такие прелести. Но скажите по совести, Вы, гуляя по свету и заглядывая во все углы, встречали ли что-нибудь подобное? Верно, нет? Еще Наташа может быть, а Катя уж нет да нет, да и Алеша нет. Ведь в Достоевском что дорого — это естественность неестественности, это обыденность разговора, слога. Он создал сам себе, не по образу божью, а по своему собственному образу, человечков и видит, и мы все видим, что они в самом деле человечки, хоть и не похожи на нас» (ИРЛИ, № 12612). Известно, что суждения Е. А. Штакеншнейдер об «Униженных и оскорбленных» (содержавшиеся в одном из ее писем) Я. П. Полонский сообщил Достоевскому (см.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 559; см. также неопубликованное письмо Штакеншнейдер к Полонскому от 3 августа 1861 г.: ИРЛИ, № 12612).

Достоевский начал посещать салон Штакеншнейдеров, по-видимому, в 1860 г. и бывал у них постоянно до 1862 г., когда семейство Штакеншнейдеров переехало на мызу Ивановка близ Гатчины, после чего встречи Е. А. Штакеншнейдер с Достоевским стали более случайными и редкими; знакомство их возобновилось в начале 1870-х годов при посредничестве М. П. Покровского (см.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 454—455). А. Г. Достоевская отмечала в своих воспоминаниях: «В 1873 году Федор Михайлович возобновил старинное знакомство с семейством Штакеншнейдеров, центром которого была Елена Андреевна...» (Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 256). Из публикуемого письма Е. А. Штакеншнейдер от 10 марта 1872 г. следует, впрочем, что Достоевский бывал у Штакеншнейдеров и ранее, в 1872 г. В воспоминаниях А. Г. Достоевской сообщается, что «в зиму 1879/80 года» Достоевский «бывал на вечерах у Елены Андреевны Штакеншнейдер <...> у ней по вторникам собирались многие выдающиеся литераторы, читавшие иногда свои произведения» (там же, с. 354). Последний раз Е. А. Штакеншнейдер виделась с Достоевским 27 января 1881 г., когда приехала навестить умирающего писателя (см.: Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935, с. 320).

На основе своих дневниковых записей Е. А. Штакеншнейдер начала писать воспоминания о Достоевском, оставшиеся незавершенными (опубликованы впервые в 1919 г. — № 1/4 журнала «Голос минувшего»). Автору их удается воссоздать яркий, неоднозначный образ Достоевского.

Известны два письма Достоевского к Е. А. Штакеншнейдер — от 15 июня 1879 г. и от 17 июля 1880 г. (П., IV, 62—63, 182—184).

Три письма Е. А. Штакеншнейдер к Достоевскому, хранящиеся в ИРЛИ (ф. 100, № 29906), публикуются впервые. Фраза из письма от 19 июня 1880 г. приводится в статье И. Л. Волгина «Завещание Достоевского» (Вопросы литературы, 1980, № 6, с. 168); фрагменты писем Штакеншнейдер к А. Г. Достоевской см.: Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 436, 471—472, 526.

¹ Имеется в виду поэт Яков Петрович Полонский (1819—1898), близкий друг Е. А. Штакеншнейдер. Об отношениях Ф. М. Достоевского и Я. П. Полонского см.: Из сношений Ф. М. и М. М. Достоевских с Я. П. Полонским. (Из материалов Пушкинского Дома). Сообщил Н. Козмин. — В кн.: Достоевский. Статьи и материалы. Пб., 1922, с. 453—460; Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923, с. 62—65.

Г. К. Градовский — Достоевскому

28 декабря 1872 г. Петербург

28 декабря.

Милостивый государь
Федор Михайлович.

Предъявитель сего г. Унтилов — автор статьи «Общество для противодействия нашему пьянству». Статья эта находится в редакции и обещана к печати; статья заслуживает внимания по собранным в ней фактам.¹

Искренне уважающий и преданный Гр. Градовский.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93, II.2.114.

Градовский Григорий Константинович (1842—1915) — журналист, публицист, в 1872 г. редактор «Гражданина» (см.: 21, 360—361).

¹ Статья была напечатана под несколько измененным заглавием: «Общество для противодействия чрезмерному распространению пьянства» (Гражданин, 1873, 15 января, № 3, за подписью «Н») и сопровождалась примечанием Достоевского (см.: 21, 264). Публикуемое письмо уточняет имя автора статьи — Унтилова, очевидно человека случайного: больше его имя в литературе не встречается.

Л. Х. Симонова-Хохрякова — Достоевскому

2 августа 1876 г. Петербург

2 августа 1876 г.

Милостивый государь
многоуважаемый Федор Михайлович!

Август наступил!

Здоровье Ваше поправилось ли? И желалось бы, желалось скорейшего Вашего приезда, и думается, что если Вы не совсем отдохнули, не совсем поправились — не лучше ли уже побыть за границей подольше? Осень здесь вечно приносит катары да воспаления, а Вы именно к осени и задумали Ваше возвращение в Петербург. Вы не браните меня за эту тираду. Если бы знали, как хочется поговорить с Вами.¹ Как хочется выложить Вам все душевные планы, все начинания — и хоть словечко одно ответ услышать. Я как подумаю, что Вы скоро вернетесь, — перерождаюсь. Вместе же с тем приходит в голову смертельный страх, — что Вы для издания августовской книжки «Дневника писателя» непременно вернетесь и даже не поправивши здоровья. А здоровья для Вас хочется много, много — и чтоб в течение долгой, долгой жизни — ни пня, ни задоринки не было. Так уже не лучше ли и подписчиков и постоянных читателей заставить

еще подождать — и остаться. Простите, бога ради. Это не совет, а высказывание волнующих меня уже с неделю мыслей...

Весь июнь что бы Вы думаете я делала?

В литературу пустилась — написала маленькую повесть и думаю написать их целый ряд.²

Благословите на труд! Приедете — всё выскажу: как, зачем, почему? До окончания повести не хотелось говорить о ней. Боялась, что не справлюсь и Вы бы подумали, что слово и дело врознь идут <...>^a и стала бы похожа на щуку, ловящую крыс. Напишите, бога ради, останетесь или приедете? Если останетесь — позвольте все подробности — все, все писать Вам и труд свой на суд Ваш представить.³ Поклон до земли. Хохрякова.

На конверте:

Allemagne. Bad Ems.

á Monsieur Theodore Dostoiewsky

Poste restante

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29889.

Корреспондентка Достоевского — писательница и общественная деятельница Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова (1838—1906). Родилась в Вологде, происходила из старинной фамилии дворян Эстляндской губернии Ребиндеров; рано потеряла родителей. Воспитывалась в Смольном институте. После окончания курса обучения поселилась в 1857 г. у сестры в Пермской губернии. Здесь вышла замуж за чиновника Министерства государственных имуществ Симонова. Сопровождала мужа в ревизионных поездках по волостям, воочию познакомилась с жизнью крестьянского населения Зауралья, в том числе с бытом «инородцев» (как их тогда называли) и с жизнью сельского духовенства. «Во время поездок с мужем по деревням <...> я и не думала, что когда-нибудь примкну к литературе, а записывала свои наблюдения собственно из любви к искусству», — говорила Симонова (Русская старина, 1908, № 9, с. 636).

В 1864 г. Симонова, овдовев, переезжает в Петербург. Здесь она прослужила четырнадцать лет на телеграфе. С этого времени начинает печататься. В 1864 г. в «Современном листке» (№ 30 и 31) помещает статью о пользе введения ремесел в уездных училищах. Вскоре после приезда в Петербург Симонова знакомится с журналистом А. И. Поповицким, о котором позже вспоминала: «...он восстал против того, чтобы я под спудом хранила массу интересного материала, и заставил меня писать в его газете («Церковно-общественный вестник», — Г. С.), <...> значительной по тем либеральным тенденциям, какие в ней проводились в пользу белого духовенства» (Русская старина, 1908, № 9, с. 636; см. ниже, примеч. 2 и 3).

Горячий интерес проявляла Симонова к судьбе русской женщины. По поводу выступления Достоевского по женскому вопросу в «Дневнике писателя» за 1876 г. она напечатала письмо в журнале «Церковно-общественный вестник» (1876, 2 июля, № 72). В нем она благодарила писателя за «совсем новое, особенно смелое и навсегда слово в слово залегающее в сердце» высказывание о русской женщине. «„Дневник писателя“, — утверждала Симонова, — должен быть настольной книгой русской женщины...». В 1879 г. журнал «Дело» (№ 5) напечатал очерк Симоновой «Что-то будет?», героиня которого Нюша испытывает недовольство тесными рамками на вид благополучной семейной жизни. Очерк заканчивался напоминанием о «Кроткой» (1876) Достоевского: «И если уж кроткая бун-

^a Несколько слов густо зачеркнуты.

туется, порывается изменить долгу, прикладывает дуло револьвера к виску спящего мужа и, наконец, с образом в руках, сама выбрасывается из окна... то чего же ждать от нас *не кротких*? А ведь ты, Нюта, из числа последних» (Дело, 1879, № 5, с. 96). В 1880-е годы Симонова посвятила несколько произведений бесправному положению русской женщины, в первую очередь на сибирском материале. Это первоначально запрещенная цензурой повесть «Одна» (Живописное обозрение, 1882, № 27), романы «Убила» (там же, 1883, № 9—12), «Спутница» (СПб., 1886) и др. Гл. И. Успенский писал Симоновой 25 февраля 1885 г. о романе «Убила» (СПб., 1884): «Повесть Вашу я прочитал с большим удовольствием...» и дал ряд советов по доработке этого произведения (см.: Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1951, с. 424).

В петербургской газете «Улей» (1881, 28 мая, № 104) Симонова поместила отзыв о сатирическом цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». Она отметила исключительную популярность сатирика и дала положительную оценку шестого очерка этого цикла.

Большое внимание уделяла Симонова жизни сибирских народностей — вогулов, остяков, якутов. В повестях «Беглые» (Живописное обозрение, 1882, № 6 и 7), «Голод» (Русское богатство, 1884, № 5, 6), в очерках «Лаача», «Эзе» и «Ильдиа» (СПб., 1883, 1884 и 1887) писательница выступила против бесправного их положения, призвала к необходимости заботы об их культурном развитии. Этими произведениями она обратила на себя внимание публициста, путешественника и археолога Н. М. Ядринцева, который ввел ее в свой так называемый «Сибирский кружок» и пригласил сотрудничать в «Восточном обозрении». У Ядринцева она знакомится с этнографом Г. М. Потаниным и антропологом М. В. Малаховым; принимает активное участие в работе Географического общества.

Большое значение для развития литературных и общественных взглядов Симоновой имел кружок писателя А. К. Шеллера-Михайлова (см. об этом: Русская старина, 1908, № 10, с. 220—226).

В 1886 г. Симонова переехала в Ташкент на службу по Министерству народного просвещения. Она преподавала в гимназии немецкий язык, в 1890 г. была назначена начальницей Мариинского женского училища в Самарканде. Напечатала несколько произведений из местной жизни. В «Туркестанских ведомостях» (1887, № 6) она откликнулась на смерть С. Я. Надсона некрологом. Скончалась Л. Х. Симонова-Хохрякова в Ташкенте 12 марта 1906 г.

Свои произведения и статьи писательница подписывала: «Л. Симонова». Библиографию их см.: Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: Библиографический указатель... СПб., 1899, с. 372; Голицыны Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. Подробный очерк жизни и творчества Л. Симоновой см.: Фаресов А. И. Забытая писательница и ее заслуги. — Русская старина, 1908, № 9—11. Фаресов опубликовал в своем очерке и письма к Симоновой-Хохряковой Гл. И. Успенского, С. Я. Надсона, А. К. Шеллера, П. Н. Полевого, Н. М. Ядринцева и М. В. Малахова.

Знакомство Достоевского с Симоновой относится к 1876 г. Тотчас же после смерти писателя она печатает очерк «Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском» (см.: Церковно-общественный вестник, 1881, № 16, 6 февраля, с. 6—7; № 17, 8 февраля, с. 4—5; № 18, 11 февраля, с. 3—5). Симонова пишет о своей заинтересованности «Дневником писателя», что и вызвало у нее желание познакомиться с его автором. «Решаясь пойти к нему, — читаем в ее воспоминаниях, — я ужасно волновалась <...> Однако в апреле 1876 года, с страшно бьющимся сердцем, в сознании всей нелепости своего поступка, я робко вступила в его кабинет» (там же, № 16, 6 февраля, с. 6). Далее писательница рассказала о скромном кабинете Достоевского, жившего «тогда на Песках, у Греческой церкви». «Сам он в то время был худой, желтый, кашлял, жаловался на одышку...», — пишет она (там же, с. 6). Разговор шел вокруг «Дневника писателя» и о не понявших его, по мнению Достоевского, критиках, а также о романах «Идиот» и «Подросток».

В связи с работой над рассказом «Испорченный» Симонова просила Достоевского о разрешении посетить его (см. об этом в примечаниях 1 и 2). Она посетила писателя в ноябре 1876 г. Разговор вновь зашел о «Дневнике писателя». «Да вот еще меня нынче цензура обрезала, — записала Симонова в тот же день горькие слова Достоевского, — статью, где я Петербург по отношению к России Баден-Баденом назвал, целиком вычеркнула, да о восточном вопросе тоже почти всю, а что я о распределении земли говорил, сказали — социализм и тоже не пропустили. А ведь мне это горько, потому что дневники я издаю с целью высказать то, что гнездится в голове моей» (Церковно-общественный вестник, 1881, № 17, с. 5). Во время следующей встречи, состоявшейся через два дня, Достоевский высказал свое огорчение по поводу неверного толкования критикой главки «Приговор» из главы первой октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Ниже публикуются два письма Симоновой-Хохряковой к Достоевскому — от 2 августа 1876 и 13 февраля 1877 г. В своих воспоминаниях она опубликовала письмо Достоевского от 7—10 сентября 1876 г. (Церковно-общественный вестник, 1881, № 17, с. 14; см.: П., III, 246—247; местонахождение подлинника неизвестно).

¹ Симонова вспоминала об обстоятельствах написания своего письма к Достоевскому: «В конце лета того же 1876 года я начала писать <...> рассказ „Испорченный“ и вздумала поделиться этой новостью с Федором Михайловичем» (Церковно-общественный вестник, 1881, № 17, 8 февраля, с. 4). Когда рассказ уже был написан, Симонова получила ответное письмо Достоевского от 7—10 сентября. В нем он написал: «Ваше письмо застало меня в Эмсе на самом выезде. Прибыв в Старую Руссу, я хворал и писал августовский № <«Дневника писателя»> <...> Если приедете, то, конечно, переговорим» (П., III, 246).

² Речь идет о названном выше рассказе Симоновой «Испорченный», который вместе с другими ее произведениями составил цикл о жизни рядового, сельского духовенства. «Мною были напечатаны статьи и рассказы, — говорила она, — по вопросам: о реформе белого духовенства и уравнении их в правах с мирянами <...> о необеспеченности духовенства, о вдовстве <...> Таковы мои работки: „Праздничный сон до обеда“, „Женитьба священника“, „Чудак“ и несколько статей об обездоленных раскольниках» (Русская старина, 1908, № 9, с. 637). К перечисленным Симоновой произведениям относится и «Рог изобилия».

³ В ноябре 1876 г. Симонова навестила Достоевского и передала ему рукопись рассказа «Испорченный». Через два дня после этого она вновь побывала у писателя. Он дал положительную оценку ее рассказу, в котором она отстаивала необходимость отмены запрета на второбрачие белого духовенства. «Второбрачие — насущный вопрос духовенства, — записала Симонова мнение Достоевского, — и вопрос этот вопиет о скорейшем разрешении <...> Меня тоже просили сказать об этом в „Дневнике“, но я не скажу, потому что не хочу бросать горох в стену...» (см.: Церковно-общественный вестник, 1881, № 18, 11 февраля, с. 3—5; Русская старина, 1908, № 9, с. 638). «Испорченный» был напечатан, см.: Церковно-общественный вестник, 1878, № 45, 46.

7

Л. Х. Симонова-Хохрякова — Достоевскому

13 февраля 1877 г. Петербург

Милостивый государь

многоуважаемый Федор Михайлович!

Весь январь, всё свободное от служебных занятий время, я употребляла на работу — переделку «Оленьки».¹ Начала с ее отца и его домашней обстановки. Работа идет медленно, кропот-

ливо, боюсь упустить малейшую черту, клонящуюся к выяснению характера, боюсь, чтобы каким-нибудь неосторожным словом не уклониться, строго слежу за собой, и вот вследствие такого обдумывания и передумывания и идет медленно. К началу февраля почти ничего не было сделано, теперь тип уже виден, но Вы сами заняты, а потому, если позволите, буду в начале марта.² Из нескольких слов, сказанных Вами касательно социальных и экономических вопросов в повестях,³ нескольких слов, сказанных еще одним человеком (имя которого я скажу при свидании), в моей голове поднялась страшная работа, а после прочтения статьи Морозова (Отечественные записки) «Литературная злоба дня» кое-что улеглось, но только кое-что, сам автор сознается, что говорит отрывками и неясно.⁴ Нужно бы многое привести в порядок! О, я неуч, каких мало! Но, слава богу, что пришла к этому сознанию и к страстному желанию работать.

Ведь Вы не скажете «мне что за дело», я знаю, что не скажете — иначе — если бы я хоть минутку усумнилась, к чему бы писать все это. Болезнью Некрасова, его «Последними песнями», ответом на них в «Неделе»⁵ и Вашими воспоминаниями страшно волновалась — до слез.⁶ Я Некрасова как поэта сильно люблю (к сожалению, как человека не знаю).

До свидания! Супруге — пренизкий глубокий поклон.

Хохрякова.

13 февр. 1877 г.

Помня головомойку за ненаписание адреса в одном письме,⁷ не могу не сообщить его теперь: Шлиссельбургский тракт, 7 верста, телеграф XVII.

На конверте:

Его Высокоблагородию Федору Михайловичу Г-ну *Достоевскому*

Греческий проспект, дом Струбинского, кв. № 6.

На конверте помета Достоевского: «Хохрякова».

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29889.

¹ Речь идет о повести «Оленька» (СПб., 1876). В переработанном виде, под названием «Оля», она была напечатана в «Еженедельном обозрении» (1878, № 25).

² В своих воспоминаниях о Достоевском Симонова рассказывает о трех встречах с ним в 1876 г.; упоминания о встречах в 1877 г. в ее мемуарах нет.

³ Имеется в виду «Дневник писателя» за 1873 и 1876 гг.

⁴ Имеется в виду статья М. А. Протопопова «Литературная злоба» (Отечественные записки, 1877, № 1, отд. II, с. 1—47, подпись: Н. Морозов). Произведения литературы были разделены в ней на два разряда: психологические и социально-тенденциозные. В последних, по мысли критика, должна выразиться собственная личность писателя «как общественного деятеля, как члена известной партии, с симпатиями и антипатиями, надеждами и стремлениями»; писатель «должен понимать современную жизнь во всех ее сложных перипетиях» (там же, с. 26). «Психологический тип есть сумма известных нравственных качеств, — писал Протопопов, — социальный тип — система известных теоретических тенденций, ус-

военных личностью и известным образом отразившихся и олицетворившихся в ней» (там же, с. 27; «отрывочность, неясность и неполнота статьи» отмечены ее автором на с. 39 и 47),

⁵ В газете «Неделя» (1877, 30 января, № 5, с. 183) была помещена — без подписи — заметка «Болезнь Некрасова», сообщавшая о предсмертной тяжелой болезни поэта, о появлении в «Отечественных записках» его «Последних песен» (продитировано начало стихотворения «Нет, не поможет мне аптека...» и приведен текст стихотворения «Скоро стану добычею тленья...»). Заметка заканчивалась анонимным стихотворным посланием «Н. А. Некрасову».

⁶ Имеется в виду вторая глава (§ IV «Русская сатира. „Новь“. „Последние песни“. Старые воспоминания») январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., содержащая воспоминания Достоевского о встречах с Некрасовым в 1845 г. (см.: 25, 26—31).

⁷ Достоевский писал Симоновой-Хохряковой в письме от 7—10 сентября 1876 г.: «Вы, по дамскому обыкновению, не выставляете Вашего адреса при каждом письме...» (П., III, 247).

8

«Один из Потугиных» — Достоевскому

11 марта 1878 г.

11 марта 1878.

Милостивый государь,
Федор Михайлович.

Напечатаны письма Пушкина. Идет толк об них. Одни говорят, что ничего в них нет, бранят даже. Я вовсе не о Маркове Евгении говорю: этот — принцип... Нет, бранят люди, по-видимому шире смотрящие. А главное, что удивительно: не находят ничего в письмах Пушкина такие, которые от «Дневника» Вашего в восторге и со всем тем, что Вы говорите в «Дневнике», согласны. Вот это-то удивительно... Другие — еще не знаю, много ли их — в восторге от этих писем. Я про себя скажу. Я только по письмам узнал Пушкина. Какая это симпатичная была личность и какая гениальная личность! А главное — «тут русский дух, тут Русью пахнет»... Ну и проч. и проч. Федор Михайлович, Вам ведь они верят! Скажите хоть слова два об этих письмах где-нибудь в газете. И поверьте, станут читать их. А то ведь теперь какой-нибудь Марков обругал, ему поверили — и тоже бранят, а читать не читают. Вы же если скажете — это заставит их прочитать, и может быть, просветлеет их глаз... Положим, «что на иной глаз поэма, то на другой — куча», но все-таки... может, переменят «кучу» на «поэму». Я ведь вон в первый раз когда был на «Жизни за царя», то — куча, куча и куча. А теперь, когда 30—40 раз сходил на эту оперу, — такая «поэма», лучше которой ничего в России и нет. Что я в России? — Во всем мире... Так, может быть, и те... переменят взгляд и увидят в этой теперь по-ихнему куче поэму. А сейчас на их взгляд письма Пушкина — куча... А какой язык!? Ваш язык — тень этого языка: только, однако, у Вас одних и видишь этот отблеск языка Пушкина. Из всех писателей Вы только (по

языку) подходите к Пушкину... Ах, какая высокая личность, какая милая! Добродушие какое, юмор этот... ну, просто, сказал бы — прелесть, да это слово сюда нейдет... Неужели Вы не скажете? Только ведь слова два, не больше. Указать только, что вот-де шедевр, из шедевров шедевр... Считали, да и теперь еще есть, которые считают Пушкина — салонным поэтом, прихвостнем большого света, двора и т. д. ... Где же? Этого вовсе нет, так как положительно из писем его этого ничего не видно. Да и не такой он был человек, чтобы быть у кого-нибудь или где-нибудь прихвостнем!.. Если же вращался он в том кругу, так они хоть немножечко бы подумали и поглядели... Да ведь я же не умею ничего сказать: я только чувствую. А на чувствованьях одних далеко, как говорится, не уедешь. . Поэтому смолкаю и прошу Вас извинить меня за это беспорядочное письмо к Вам, и вместе — принять уверение в моем почтительном и искреннем к Вам уважении и преданности.

Один из Потугиных — в вербальном значении этого слова.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29937.

Содержание этого письма дополняет представление о характере литературных отношений между Тургеневым и Достоевским в конце 1870-х годов. Этот документ публикуется нами в качестве прямого доказательства реального существования и в 1870-е годы основы для позитивных связей между Тургеневым и Достоевским.

В письме «Одного из Потугиных» речь идет о письмах Пушкина к жене, опубликованных в журнале «Вестник Европы» (1878, № 1, 3). «Один из Потугиных» не упоминает о Тургеневе, но как он, так и Достоевский, конечно, знали, что письма Пушкина опубликовал в «Вестнике Европы» именно Тургенев. Отклики критики на письма Пушкина были по преимуществу отрицательными, причем особенной резкостью отличались статья Е. Л. Маркова, напечатанная в газете «Голос» (1878, 9 февраля, № 40), и две статьи В. П. Буренина, напечатанные в газете «Новое время» (1878, 13 января, № 674; 10 марта, № 729). Имея в виду этих критиков, а также определенную часть читающей публики, выказавшей предвзятое отношение к Пушкину, «Один из Потугиных», т. е. очевидный западник, взывает к Достоевскому, неоднократно с яростью нападавшему на западников: «Федор Михайлович, Вам ведь они верят! Скажите хоть слова два об этих письмах где-нибудь в газете». Такое воззвание о помощи было бы невозможно, если бы Достоевский не зарекомендовал себя на страницах «Дневника писателя» страстным поклонником Пушкина и апологетом русского языка. Но западники потугинского склада уловили и оценили по достоинству также тургеневскую интонацию в этой апологии (см.: Б а т ю т о А. И. Достоевский и Тургенев в 1860—1870-е годы. — Русская литература, 1979, № 1, с. 58—61). Это-то обстоятельство и дало одному из них «право» обратиться с просьбой о содействии прежде всего к Достоевскому.

Видное место в письме «Одного из Потугиных» занимает восторженная оценка оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» (первоначальное название — «Жизнь за царя»). И эта часть письма имеет прямое отношение к проблеме Достоевский — Тургенев. Суждения «Одного из Потугиных» о музыке Глинки крайне любопытны в том смысле, что они похожи на покаяние. Он как бы испрашивает у Достоевского прощение за достаточно пренебрежительное мнение о Глинке как создателе русской национальной оперы, высказанное некогда в «Дыме» его собратом Созонтом Ивановичем Потугиным и разделявшееся чуть ли не до самого последнего времени и им, «одним из Потугиных».

«Я только по письмам узнал Пушкина, — пишет Достоевскому «Один из Потугиных». — Какая это симпатичная была личность и какая гениальная личность! А главное — „тут русский дух, тут Русью пахнет“...». Нельзя не отметить и в этой характеристике созвучной Достоевскому тургеневской интонации. В сопровождающем «Новые письма А. С. Пушкина» предисловии «От издателя» Тургенев писал: «Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. XV. М.—Л., 1968, с. 114). Тургеневское определение: «Пушкин был <...> самым русским человеком своего времени» — гармонировало, в свою очередь, с восторженным восклицанием Достоевского еще в 1863 г.: «А уж Пушкин ли не русский был человек!» (5, 51).

Ответ Достоевского на письмо «Одного из Потугиных» неизвестен. Не исключено, что Достоевский попросту пренебрег своим корреспондентом, подписавшим свое письмо столь вызывающе. Вместе с тем не исключается другой, более вероятный ход событий.

Достоевский не мог ответить «одному из Потугиных», так как тот не указал ни своего адреса, ни настоящей фамилии. «Дневник писателя» же к этому времени прекратил свое существование почти навсегда. Выступление Достоевского в какой-нибудь газете тоже исключалось, так как в это время он уже всецело был поглощен работой над последним своим романом.

В такой ситуации приходилось, по-видимому, довольствоваться сознанием, что тургеневское предисловие «От издателя», предварявшее публикацию писем Пушкина, — вполне достаточная рекомендация этих писем для тех читателей, которые способны понимать и любить великого русского поэта.

Корреспондент Достоевского называет себя «Одним из Потугиных в вербальном значении этого слова». Что этим он хотел сказать? Слово «вербальный» (лат. *verbalis*) значит «устный», «словесный»; вербальная же нота — письменное сообщение, делаемое дипломатическим агентом в третьем лице без подписи и приравниваемое к устному заявлению. На такую ноту похоже комментируемое письмо к Достоевскому, написанное как бы «дипломатическим агентом» западной партии, пожелавшим скрыть свою подлинную фамилию.

Однако из «ноты» видно, что «Один из Потугиных» не хотел ограничиться только изложением своего мнения. Он рассчитывал на содействие, просил о нем. Эта позиция «Одного из Потугиных» становится вполне очевидной в свете объяснения понятия «вербальный договор». В «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. X) читаем: «Вербальный договор (*Contractus verbalis*) — термин римского права, обозначающий договор, юридическая сила которого обуславливается исключительно *особою словесною формою* заключения его, *путем вопроса и ответа*». Таким образом, и в последней фразе комментируемого письма сквозил намек на характер отношений между западником Тургеневым и близким к славянофилам почвенником Достоевским. Отношения эти были не таковы, чтобы можно было говорить о возможности согласия между двумя писателями по всем вопросам общественно-политической и литературной жизни. Речь шла только об одном вопросе. И ожидался только один ответ на него. Но как вопросу этому (вопросу, в сущности, о русском литературном языке), так и ответу на него придавалось исключительное значение.

Объективно характер постановки вопроса о языке в романе «Дым» и в «Дневнике писателя» свидетельствовал о потенциальной возможности примирения Достоевского с Тургеневым. Письмо «Одного из Потугиных» документально подтверждает правомерность такого заключения.

Е. А. Штакеншнейдер — Достоевскому

23 мая 1879 г. Мыза Ивановка

Мыза И<вановка>.¹

Здоровы ли Вы, милые, дорогие Федор Михайлович и Анна Григорьевна с детками, и как поживаете? Какова погода у Вас? Сидит ли Федор Михайлович на вольном воздухе или все больше в комнате?² На вольном воздухе лучше. Петербург проглотил, что было в апрельском «Русском вестнике»,³ и облизывается и ждет, чтобы дали еще, как собака, которая разлакомилась только, но еще не сыта, но, кажется, до конца июня ей ничего не дадут?⁴ И пусть ждет так; главное, здоровье Ваше, отдохните, а мы подождем (но только я очень завидую Анне Григорьевне). Федор Михайлович, Вам, может быть, не нравится, что я сравнила читающих с собакой, но ведь это очень верно, и сам Ваш любимец, Буренин,⁵ не определит вернее впечатления Ваших произведений на публику читающую, не пишущую, но понимающую. Пишущая, то другое дело. Та, во-первых, хочет быть умнее Вас и никак не может. Вот, например, не Ваш и не мой любимец, но любимец либерального Петербурга, его пророк и глашатай его истин — Марков. Передо мной его статья: «Романист-психиатр» («Русская речь», май), разве он не мнит, что постиг Вас? И как бойко он все решил, распределил и подвел итоги.⁶ А редактор объявил, что у Вас мрачное настроение. И оба не сомневаются, что это правда, что настроение мрачное.⁷

Но простите. Я бы хотела много чего высказать по поводу «Критической беседы» Маркова, да не смею надоедать Вам своими мыслями. Мы теперь на даче; погода была чудесная и вдруг испортилась. На днях в Петербурге был у нас Страхов. Мы вспоминали Вас и жалели, что Вас нет с нами. Он наказывал Вам кланяться; также Полонский и Покровский.⁸ Полонский с семейством уезжает на остров Эзель, лечить детей. Полонский подтвердил все, что рассказывал Вам Майков⁹ о жиде, который хотел через Полонского пробраться к Полякову¹⁰ и наконец, рассердясь, пригрозил ему между прочим и за то, что он ничего не дал на Кутаисское дело.¹¹ Покровский подарил мне к именинам Ваши сочинения. Голубушка Анна Григорьевна, не забудьте, если Вам что понадобится в Петербурге, обратиться ко мне по следующему адресу: Гатчина, мыза Ивановка, Е. А. Штакеншнейдер. Мама и сестры кланяются Вам, а Алеша и Вера¹² детям Вашим, а я всем Вам вместе. Будьте здоровы и не забывайте

преданную Вам

Е. Штакеншнейдер.

¹ Правый верхний угол листа с датой оторван. Датируется по ответному письму Достоевского от 15 июня 1879 г., где говорится: «От души благодарю Вас за Ваше милое письмо от 23-го мая» (П., IV, 62).

² С конца апреля до середины июля 1879 г. Достоевский с семьей жил в Старой Руссе.

³ В апрельском номере «Русского вестника» за 1879 г. была напечатана четвертая книга «Братьев Карамазовых».

⁴ В майском номере «Русского вестника» за 1879 г. были опубликованы 1—4 главы, а в июньском 5—7 главы пятой книги «Братьев Карамазовых».

⁵ Виктор Петрович Буренин (1841—1926) — литературный критик, публицист, поэт, драматург; фельетонист газеты «Новое время». В 1878—1879 гг. неоднократно выступал с сочувственными отзывами о «Дневнике писателя» и «Братьях Карамазовых» (см., например: Новое время, 1878, 20 января, № 681; 1879, 9 марта, № 913; см. также: 15, 443, 498—499). 14 мая 1880 г. Достоевский писал А. С. Суворину о Буренине: «...я ждал, не напишет ли он чего-нибудь об моем последнем отрывке „Карамазовых“, ибо мнением его дорожу» (П., IV, 143).

⁶ В мае—июне 1879 г. в журнале «Русская речь» печаталась 4-я часть «Критических бесед» беллетриста и критика Е. Л. Маркова (1835—1903) — «Романист-психиатр. (По поводу сочинений Достоевского)». Марков упрекал Достоевского в отказе от «глубоко честного, глубоко пронизательного психологического исследования души человеческой», каким, по его мнению, были «Записки из Мертвого дома», и, обвиняя автора «Идиота», «Преступления и наказания», «Бесов» в «субъективности настроения», в увлечении «больной психией какого-нибудь одного мрачного героя», в неправдоподобии и натянутости действия, критик утверждал: «В этих романах его жизнь людей является гораздо хуже, темнее и бессмысленнее, чем в действительности» (Русская речь, 1879, № 5, с. 246, 247, 255, 275).

⁷ Е. Л. Марков, характеризовавший Достоевского-романиста как «литературного аскета», заставляющего своих «мрачных героев» предаваться «мрачным размышлениям», с недовольством отмечал в «Идиоте» «медицинские подробности», «тщательные описания малейших предварительных симптомов падучей болезни, которым с таким необъяснимым вниманием отдается романист» (Русская речь, 1879, № 5, с. 243, 247, 272). К этому месту статьи давалось редакционное примечание, принадлежавшее, по всей вероятности, редактору и издателю «Русской речи» А. А. Навроцкому: «Внимание это понятно для тех, кому известна тяжелая болезнь, давно уже удручающая почтенного г-на Достоевского и влияющая на мрачное настроение всех его произведений» (там же, с. 272).

⁸ Михаил Павлович Покровский — участник петербургских студенческих волнений 1861 г.; близкий знакомый Н. Н. Страхова и Е. А. Штакеншнейдер, которая назвала его «одним из самых искренних и горячих поклонников» Достоевского. В своих воспоминаниях она отмечала: «Не Покровский ли и меня научил поклоняться Достоевскому, так сказать, открыл мне его, и в его произведениях открывал такие горизонты, которые без него были бы для меня совершенно недоступными?» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 460—461).

⁹ Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, переводчик, критик, близкий друг Ф. М. Достоевского с 40-х годов до конца жизни.

¹⁰ Имеется в виду крупнейший железнодорожный концессионер, миллионер — С. С. Поляков.

¹¹ Речь идет о рассмотрении Кутаисским окружным судом 5—13 марта 1879 г. обстоятельств гибели крестьянской девочки Сарры Модебадзе, в смерти которой несправедливо обвинялись девять евреев из местечка Санчхеры; суд вынес оправдательный приговор. Об этом процессе Достоевский упоминал в письме к О. А. Новиковой от 28 марта 1879 г. (Свиток. М., 1922, с. 152).

¹² Дети сестры Е. А. Штакеншнейдер — Ольги Андреевны Эйснер.

Е. А. Штакеншнейдер — Достоевскому

19 июня 1880 г. Мыза Ивановка

Мыза Ивановка. Июня 19.80.

С живейшим вниманием и восторгом следила я за торжеством Пушкина и Вашим торжеством, Федор Михайлович,¹ теперь слезно молю: дайте Вашу речь! В газетах только выписки, на устах у вернувшихся из Москвы только восторженные отзывы, а мне надо ее всю и прочитать самой. Скажите по крайней мере, где она появится и когда.² Воображаю, что это было. Как жаль, что Анна Григорьевна не присутствовала. Главное неожиданность. То есть все знали, что будут Вам рукоплескать, ведь всем рукоплескали, но не знали, что будут плакать, что бросятся к Вам, что Аксаков откажется от своей речи, иначе он бы не приготовил свою.³ Вы, Федор Михайлович, поставили настоящий и прочнее, а главное — прекраснее бронзового, памятник Пушкину. И не великому поэту одному указали Вы его высокое место, Вы указали его и для России, подняли наш угнетенный дух, от той-то радости и заплакали Ваши слушатели.

Я пушкинские дни и их финал, т. е. инцидент, как выражаются газеты, Каткова,⁴ провела в доме Шульца⁵ на Крестовском. Шулец еще со времени истории с Гартманом изгнал из своего дома «Голос»,⁶ несмотря на некоторое пристрастие к Загуляеву,⁷ но случайно тот номер, где была телеграмма о Каткове, попал нам в руки. Шулец, как большинство петербургских бюрократов (он сенатор), ненавидит Каткова, но и он стал в тупик. Тут наехали другие сенаторы и либералы и злорадствовали, что Катков понес казнь. Мне удалось, тоже не без ехидства, доказать им, что не могло всего этого быть, потому что на обеде присутствовали не пешки, не петербургские либералы, не смеющие из трусости перед кем-то и перед чем-то протянуть руку Каткову. И что гнусная выходка «Голоса», направленная против Каткова, если бы была в ней правда, бросала бы невыгодную тень не на него, а на Вас всех присутствующих, а так как в числе присутствующих были Вы, Майков, Полонский, то, значит, все ложь. Приехал Гаевский,⁸ и вышло, что я права. Гаевский тоже по своему петербургскому вероисповеданию не любит Каткова и приверженец Тургенева. Он рассказал, как дело было и что Тургенев ни за что не хотел идти на обед, чтобы не встретиться с Катковым, и пошел, только когда его друзья ему обещали, что при первой неприятности, которую ему сделает Катков, они все вместе с ним выйдут из залы. Неужели это правда?⁹ Гаевский — приверженец Тургенева и умный человек. Как мог он нечто подобное рассказать про своего друга и не заметить, что выставляет его в странном виде? Чего ожидали они от Каткова? В заключение должна сказать Вам, что Шулец, хоть и петербургский и сенатор,

но менее других либерал, в нем здравый смысл всегда одерживает верх.

Простите, голубчик Федор Михайлович, за длинное письмо, сама не знаю, как расписалась. Мама, Андрюша, Соня и Оля¹⁰ свидетельствуют свое почтение Вам и Анне Григорьевне. Здесь у нас чудесно, мы все, насколько можно, набираемся здоровья на зиму. Дай бог и Вам поздороветь и отдохнуть. Мало досуга у Вас, в Москве Вы оставались долее, чем предполагали,¹¹ в июньской книжке «Русского вестника», верно, опять ничего не будет,¹² ну да бог с Вами! Будьте только здоровы, насколько можете. Едете ли в Эмс?¹³ А я должна тоже пить эмс. И ведь был весною плеврит, а потом я опять упала, вместе с креслом, и опять повредила себе ногу. Но лето чудесно, и зиму жду с нетерпением. Видимо, это Ваши слова о России придали мне снова охоту жить. Осенью увижусь с Вами и опять буду слушать Вас. И все Ваши поклонники и поклонницы будут слушать. У нас новая квартира, гостиная большая, в 4 окна. Будет и «Скупой рыцарь». Вы ведь обещали. А Донна Анна и Лаура давно уж долбят что-то к осени.¹⁴

Летний адрес мой: Гатчина, Мыза Ивановка, Е. А. Штакеншнейдер, а городской: Знаменская, д. 22, квартира 13.

Но будет. Низко, низко кланяюсь Вам и обнимаю Анну Григорьевну и деток.

Письма от Вас жду с великим нетерпением.

Преданная Вам

Е. Штакеншнейдер.

¹ 5—8 июня 1880 г. в Москве проходили торжества по случаю открытия памятника Пушкину. 8 июня на втором заседании Общества любителей российской словесности с речью о Пушкине выступил Достоевский.

² Речь Достоевского была впервые опубликована в «Московских ведомостях» 13 июня 1880 г.

³ 9 июня 1880 г. в газете «Голос» (№ 159) сообщалось: «Речи г-на Аксакова предшествовало следующее. Взойдя на кафедру, он сказал: „После Достоевского говорить о Пушкине нечего. Его речь есть событие — это гениальнейшая разработка вопроса о народности поэта. До сего дня можно было говорить об этом, доказывать; теперь вопрос решен навсегда, бесповоротно. Толковать тут больше нечего. Все, что я готовился прочесть, потеряло всякое значение. Моя речь упраздняется речью Достоевского. С Достоевским согласны обе стороны: и представители так называемых славянофилов, как я например, и представители западничества, как Тургенев. Если я и могу прочесть что-нибудь, то разве отрывок из приготовленной речи“. На это послышались крики: „Всю речь, всю, читайте все“. Г-н Аксаков начал чтение своей речи».

⁴ Имеется в виду именованный в газетах «accident Katkoff» (Голос, 1880, 8 июня, № 158) или «incident Katkow» (там же, 11 июня, № 160) холодный прием слушателями примирительной речи редактора «Московских ведомостей», реакционного публициста М. Н. Каткова (1818—1887), произнесенной им 7 июня 1880 г. на обеде, данном Московской думой участникам пушкинского празднества. Ср. далее примеч. 9. Реакция на речь Каткова отразила единодушное осуждение прогрессивной частью общества деятельности Каткова (см.: Голос, 1880, 8 июня, № 158; 11 июня, № 160).

⁵ Федор Карлович Шульц (1828—1881) — сенатор гражданского касационного департамента; близкий знакомый семейства Штакеншнейдеров.

⁶ По-видимому, речь идет о требовании русских властей выдать находившегося во Франции народовольца Льва Николаевича Гартмана — участника покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. под Москвой. «Дело Гартмана» находилось в центре внимания русской и зарубежной печати в феврале—марте 1880 г. Французский премьер-министр Ш.-Л. Фрейсине, собиравшийся вначале передать арестованного русским властям, вынужден был под давлением общественного мнения (в числе выступавших в защиту Гартмана были В. Гюго и Дж. Гарибальди) ответить отказом и освободить Гартмана.

«Голос» занимал вначале примирительную, уклончивую позицию: Гартман, разумеется, признавался «преступником, совершившим злодеяние», но вместе с тем допускалось, что улики против Гартмана могут быть недостаточными и что «французское правительство поступило в данном случае во всем согласно с требованиями справедливости»; при этом многозначительно отмечалось, что «личная свобода во Франции — дело священное» (Голос, 1880, 25 февраля, № 56). Однако вскоре «Голос» заявил в тон официальной прессе, что французское правительство «несомненно доказало свое внутреннее бессилие и вместе с тем обнаружило неспособность играть самостоятельную роль в области международных отношений» (Голос, 1880, 12 марта, № 72; см. также: там же, 24 марта, № 84).

То, что сенатор оказывался сочувствующим в чем-то революционерам, было одним из проявлений глубокого кризиса, в котором находились «верхи» русского общества в конце 1870-х—начале 1880-х годов. В записях Е. А. Штакеншнейдер рассказывается о том, как в доме Шульца в конце октября 1880 г. зашел разговор о народовольцах, и в частности о Г. Д. Гольденберге (1855—1880) (которого обманным путем вынудили дать предательские показания, после чего тот покончил жизнь самоубийством). Когда Штакеншнейдер заметила о Гольденберге: «Струсил, вероятно...», Шульц «строго заметил»: «К Гольденбергу это слово неприменимо». В связи с этим Штакеншнейдер писала: «Дух, царящий в обществе, может привести в ужас и в тоску <...> Шульц — добрейший человек, горячий сердцем. Если бы случилось, он, не задумываясь ни на секунду, своей грудью заслонил бы государя от опасности <...> покорные слуги закона на деле, а говорят — сами не слышат что. И не могут не говорить так, потому что так говорят все. И вот именно то, что все так говорят, и есть самое ужасное настоящего времени» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 436—437). Суждения Штакеншнейдер весьма близки к тому, что Достоевский говорил А. В. Суворину в феврале 1880 г. о политических преступлениях (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1964, с. 328—329).

⁷ Михаил Андреевич Загуляев (1834—1900) — беллетрист, критик и публицист; в 1870-х—начале 1880-х годов был постоянным сотрудником газет «Голос» и «Journal de St.-Petersbourg». В своих обзорах «Les revues russes» («Русские журналы») на страницах «Journal de St.-Petersbourg» Загуляев сочувственно отзывался о творчестве Достоевского. Литературно-критические фельетоны Загуляева, по всей вероятности, были известны Достоевскому. Так, 29 января 1879 г. Е. А. Штакеншнейдер писала А. Г. Достоевской: «Фельетон Загуляева посылаю» (Литературное наследство, т. 86, с. 471); в письме к Е. А. Штакеншнейдер от 22 июня 1879 г. Загуляев упоминал о двух своих фельетонах, которые она собиралась послать Достоевскому (см.: ИРЛИ, № 29907). См. о нем также: 5, 332; 20, 182 и 372.

⁸ Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — юрист, историк литературы; один из основателей Литературного фонда, многолетний его председатель.

⁹ В ответном письме к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 г. Достоевский уточнял: «Не знаю, как Вам передавал Гаевский, но дело с Катковым не так было. Каткова оскорбило Общество любителей рос-

сийской» словесности «...» отобрав у него назад посланный ему билет; а говорил речь Катков на Думском обеде как представитель Думы и по просьбе Думы «...» У Тургенева же была подготовлена (Ковалевским и Университетом) такая колоссальная партия, что ему нечего было опасаться. Оскорбил же Тургенев Каткова первый. После того как Катков произнес речь и когда такие люди, как Иван Аксаков, подошли к нему чокаться (даже враги его чокались), Катков протянул *сам* свой бокал Тургеневу, чтобы чокнуться с ним, а Тургенев отвел свою руку и не чокнулся. Так рассказывал мне *сам Тургенев*» (П., IV, 183; см. также: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XII, кн. 2. Л., 1967, с. 270, 563).

¹⁰ Андруша — брат Е. А. Штакеншнейдер, Адриан Андреевич Штакеншнейдер; Соня — невестка Е. А. Штакеншнейдер; Оля — сестра Е. А. Штакеншнейдер, Ольга Андреевна Эйснер.

¹¹ Достоевский прибыл в Москву 23 мая 1880 г.: открытие памятника Пушкину намечалось на 26 мая, но из-за траура по случаю смерти императрицы было перенесено на 6 июня.

¹² После апрельского номера «Русского вестника» продолжение «Братьев Карамазовых» появилось в июльском.

¹³ Из-за спешной работы над «Братьями Карамазовыми» Достоевский не смог поехать на лечение в Эмс.

¹⁴ В воспоминаниях В. Микулич рассказывается, как зимой 1879/80 г. на одном из вечеров в доме Штакеншнейдеров состоялась любительская постановка пушкинского «Каменного гостя»: Дон Гуана играл К. К. Случевский, Лепорелло — Д. В. Аверкиев, Монаха — Н. Н. Страхов, Лауру — подруга Е. А. Штакеншнейдер М. Н. Бушен, Донну Анну — С. В. Аверкиева (см.: Микулич В. Встречи с писателями, с. 144—146). После спектакля Достоевский по просьбе собравшихся прочел монолог Барона из «Скупого рыцаря» (см.: там же, с. 147—148). 19 октября 1880 г. на чтении в пользу Литературного фонда Достоевский повторил сцену в подвале из «Скупого рыцаря» (см.: Достоевская А. Г. Воспоминания, с. 351—352).

11

А. М. Черницкая — Достоевскому

19 января 1881 г. Петербург

1881 года. 19 января.

Наш Шекспир, Федор Михайлович!

Осмеливаюсь беспокоить Вас вопросом.

Может ли русский Фауст найти себе исход, почему не нашел его Иван Карамазов, почему Аполлон Александрович Григорьев, понимая гений Христа, этот вечный идеал красоты и правды, почему и он не нашел исхода?

Достаточно одного Вашего слова «может» или «не может», и я поверю этому Вашему слову, потому что...

Вечный Суд Вам дал
Всеведенье пророка.¹

Беспредельно Вам верящая

А. Черницкая.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93. 11. 9. 121.

А. Черницкая — слушательница словесного отделения высших женских бестужевских курсов в Петербурге. Получив ее письмо, Достоевский пометил в своей последней записной тетради: «Отвечать на вопрос о Фаусте». Запись сделана после 22 января 1881 г., незадолго до смерти Достоевского. Поэтому, возможно, писатель так и не успел ответить Черницкой (о присутствующей в романе «Братья Карамазовы» теме «Фауста» Гете см.: 15, 465—466).

¹ Черницкая перефразирует начальные строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» («...С тех пор как вечный судия Мне дал всеведенье пророка...», 1841).